

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2026. № 1 (86). С. 123–137.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2026. Vol. 1 (86). P. 123–137.

Научная статья

УДК 321

doi: 10.54398/1818-510X.2026.86.1.011

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ КЛИЕНТЕЛИЗМ
КАК ПРЕДМЕТ НЕОПАТРИМОНИАЛЬНОГО АНАЛИЗА**

Чайко Игорь Владимирович

Российский государственный социальный университет, г. Москва, Россия

ivchaiko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1326-596X>

Аннотация. Главный исследовательский вопрос, вызвавший интерес автора данной статьи, – соотношение категорий «неопатримониализм», «политический клиентелизм» и правомерность их отождествления в работах ряда современных ученых. В качестве гипотезы выдвигается тезис о том, что данные феномены представляют собой различные формы социально-политической организации, которые в определенных условиях могут сочетаться либо, напротив, конкурировать друг с другом. Для подтверждения этой гипотезы в ходе исследования решались следующие задачи: 1) анализ ключевых публикаций зарубежных и российских авторов, посвященных проблеме политического клиентелизма; 2) исследование возможностей использования неопатримониального подхода для сравнительного анализа клиентарно-патронажных систем; 3) критический анализ предлагаемых различными авторами определений терминов «патримониализм», «неопатримониализм», «клиентелизм», «патронаж», «пребендализм» и ряда других; 4) выявление причинно-следственных связей между неопатримониализмом, политическим клиентелизмом и результатами политического развития отдельных государств. При этом в центре исследования находятся модели клиентарно-патронажных отношений, возникшие в 1990–2000-х гг. в посткоммунистической России. Для их научного анализа автор использовал ряд теоретических концепций, включая концепции «захвата государства», «патронального президентства», «редистрибутивного неопатримониализма» и др. Особое внимание уделено механизмам генезиса российской партийной системы, функционирование которой описывает модель «перевернутой подотчетности», при которой избиратели контролируют действия политиков, а напротив, «политические машины» и их лидеры имеют возможность контролировать волеизъявление избирателей. В результате сделаны общие выводы о том, что развитие научных исследований в этой области требует глубокой ревизии сложившихся представлений о взаимосвязях между неопатримониализмом, политическим клиентелизмом и состоянием ключевых институтов государства, функционирование которых определяется специфическим сочетанием формальных принципов организации власти и неформальных практик управления, обусловленных культурно-историческими традициями страны и личностными качествами политических лидеров.

Ключевые слова: политический клиентелизм, пребендализм, nepотизм, патримониализм, неопатримониализм, «политическая машина», «патрональное президентство», М. Вебер, Ж.-Ф. Медар, М. Н. Афанасьев, Г. Хейл, Н. Робинсон

Для цитирования: Чайко И. В. Политический клиентелизм как предмет неопатримониального анализа // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2026. № 1 (86). С. 123–137. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2026.86.1.011>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

POLITICAL CLIENTELISM AS A SUBJECT OF A NEOPATRIMONIAL ANALYSIS

Igor V. Chaiko

Russian State Social University, Moscow, Russia

ivchaiko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1326-596X>

Abstract. The main question posed by the author of this article is the correlation of the categories “neopatrimonialism” and “political clientelism” and the legitimacy of their identification in the works of modern scientists. As a hypothesis, the thesis is put forward that these terms mean various forms of political organization that can combine or compete with each other. To prove this hypothesis, the following tasks were solved: 1) analysis of key publications on the topic of political clientelism; 2) study of the possibilities of the neopatrimonial approach as a method of analyzing client-patronage systems; 3) critical analysis of various definitions of the terms “patrimonialism”, “neopatrimonialism”, “clientelism”, “patronage” and a number of others; 4) identification of the interrelationships between neopatrimonialism, political clientelism and the results of the political development of individual states. The research focuses on models of client-patronage relations typical of post-communist Russia. For their scientific analysis, the author uses the concepts of “state capture”, “patronage presidency”, “redistributive neopatrimonialism” and others. As a result, conclusions are drawn about the need for a deep revision of existing ideas about the interrelationships between neopatrimonialism, political clientelism and the state of key state institutions, the functioning of which is determined by a combination of formal principles and informal management practices determined by the cultural and historical traditions of the country and the personal qualities of political leaders.

Keywords: political clientelism, prebendalism, nepotism, patrimonialism, neopatrimonialism, “political machine”, “patronage presidency”, M. Weber, J.-F. Medar, M. N. Afanasyev, G. Hale, N. Robinson

For citation: Chaiko I. V. Political Clientelism as a Subject of a Neopatrimonial Analysis. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2026, no. 1 (86), pp. 123–137. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2026.86.1.011> (In Russ.).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Политический клиентелизм – явление, известное со времен Античности. В Древнем Риме, Византии, средневековых монархиях Европы и Азии патрон-клиентные отношения нередко составляли саму суть политики, являясь широко распространенной и вполне легальной формой представительства частных-групповых и общественных интересов [1, с. 68–79]. Однако предметом научного анализа они стали только в XX в., а собственно политологических исследований – в 1960–1970 гг. Именно в этот период вышли в свет первые публикации, посвященные изучению специфики патронально-клиентарных связей и их роли в политической жизни отдельных государств [5, с. 8–15].

Вместе с тем обращает на себя внимание междисциплинарный характер этих исследований, сочетавших установки разных наук – истории, социологии, социальной и культурной антропологии, политической компаративистики и других. Однако по мере становления дисциплины, в исследованиях клиентелизма обозначились три основных направления, в качестве которых выделяются: 1) изучение клиентелизма как отношений обмена; 2) изучение патронажа в бюрократической среде; 3) исследования партийного и электорального клиентелизма [5, с. 8]. В рамках этих направлений был разработан целый ряд оригинальных теоретических концептов и моделей клиентелизма, в том числе концепции патронально-клиентарных сетей [28], «политических машин» [38], «захвата государства» [19], «перевернутой подотчетности» [40], «патронального президентства» [23] и ряд других. При этом в фокусе внимания исследователей оказались, прежде всего, проблемы, связанные с особой ролью клиентарных отношений в политической жизни развивающихся стран, где они,

фактически, вытесняли и замещали собой институты правового государства. В результате, возникающие в этих странах модели политической организации весьма напоминали патримониальные системы, описанные М. Вебером в фундаментальном труде «Хозяйство и общество» [43, с. 231–241, 1006–1110]. На это, в частности, обратил внимание Г. Рот, который первым выделил два разных типа патримониализма, один из которых имеет традиционные основания, а второй, гораздо более распространенный, представляет собой личное правление главы государства, предполагающее широкое использование патронально-клиентарных сетей в целях вознаграждения сторонников и обеспечения их политической лояльности [37]. Различные элементы такого правления, выражаемые в терминах «клика», «механизм», «фракция», по мнению Г. Рота, можно обнаружить в политической практике многих современных государств, не исключая США и страны Западной Европы. Однако если для западных либеральных демократий такие неформальные практики представляют определенного рода девиацию, то в развивающемся мире они стали едва ли не доминирующими формами управления государством.

Вслед за Г. Ротом, значительный вклад в разработку теории неопатримониализма в 70–80-х гг. XX в. внесли: Ш. Эйзенштадт, Дж. Хигер, Ж.-Ф. Медар, К. Клэпхэм, Р. Теобальд, Р. Лемаршан и К. Легг, М. Браттон и Н. ван де Валле [13, с. 162–168]. Сам термин «неопатримониализм» впервые ввел в научный оборот в 1973 г. Ш. Эйзенштадт, творчество которого существенно повлияло на осмысление данного феномена [21]. В своих работах он убедительно доказал, что попытки ускоренной модернизации стран третьего мира ведут к возникновению специфических неопатримониальных структур, для которых характерно сочетание неформальных клиентелистских практик и элементов современного административного государства. Как следствие, открытые политические процессы в таких государствах были слабо выражены и подменялись конфликтами между различными «кликами» и клиентелистскими группами, концентрировавшими значительные властные полномочия и использовавшими их для поддержания определенного политического порядка [21, с. 4–5].

В начале 2000-х гг. неопатримониальный подход стали использовать также для описания амбивалентных политических трансформаций, происходящих на постсоветском пространстве. Оригинальную концепцию эволюции коммунистических режимов предложил Г. Китчелл, выделив в качестве особых типов «патримониальный коммунизм», «национально-приспособительный коммунизм» и «бюрократически-авторитарный коммунизм». Особенности «патримониального коммунизма», согласно данной типологии, заключаются в том, что для такого режима наиболее характерны не личная диктатура правителя, а кумовство, патронаж, коррупция [27]. В то же время Дж. Истер опубликовал монографию, посвященную исследованию системы личных связей и принципов самоидентификация элит в советской и постсоветской России [20]. В 2008 г. Г. ван Зон сформулировал проблему «культы власти», который он характеризовал как главную традиционную черту российской политики [44]. Вслед за этим Н. Робинсон в своих работах попытался обосновать концепцию «патримониального капитализма», с эволюцией которого он связывает перспективы демократизации российской политической системы [35].

Вместе с тем необходимо отметить, что в российской научной библиографии публикации, посвященные исследованию клиентарно-патронажных отношений и их роли в функционировании (не)патримониальных систем, встречаются крайне редко. Одним из первых исследований такого рода стала книга Н. П. Павлова-Сильванского [9], описавшего специфику боярских патронатов в Средневековой Руси. Заметным событием стала первая российская публикация книги М. Восленского «Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза» (1991), в которой излагалась целостная концепция происхождения советской партократии [2]. Особого внимания заслуживают концепции тоталитарной бюрократии, представленные в работах Ю. Н. Давыдова [6] и М. В. Масловского [8], а также ставшая уже хрестоматийной монография М. Н. Афанасьева, описавшего генезис постсоветской

«клиентарной бюрократии» [1]. Однако работы зарубежных ученых в этой области российскому читателю практически не были известны, а их первые переводы на русский язык появились лишь в 2010-х гг. Важным шагом стало издание сборника «Патрон-клиентские отношения в истории и современности» [10], включившего работы таких зарубежных авторов, как Ш. Эйзенштадт и Л. Ронигер, Г. Китчелт и С. Уилкинсон, Дж. Скотт, Г. Хейл и ряд других.

Необходимость дальнейшего развития научных исследований в этой области во многом определило актуальность данной работы, главной целью которой стало изучение возможностей применения неопатримониального подхода как средства научного анализа разнообразных форм политического клиентелизма, существующих в современном мире. Основная проблема исследования – необходимость более полной теоретической концептуализации и демаркации таких феноменов, как патримониализм, неопатримониализм, клиентелизм, патронаж и ряд других близких к ним понятий. Основным методом исследования – сравнительно-исторический анализ, посредством которого был раскрыт процесс эволюции научных представлений в этой сфере политологического знания. Научная новизна работы заключалась в критическом осмыслении автором теоретико-методологических установок таких исследований и прежде всего трехчастной «формулы» неопатримониализма как сочетания президентализма, клиентелизма и практики использования государственных ресурсов в целях легитимации существующего режима [17, с. 63–65]. В противоположность этим утверждениям, автор, вслед за Ж.-Ф. Медаром, рассмотрел неопатримониализм и клиентелизм как различные и даже конкурирующие между собой модели политической организации [32], специфика которых определяется социокультурными, институциональными и другими особенностями отдельных стран и регионов.

Формы клиентелизма

Одними из первых к исследованию характерных для неопатримониальных обществ форм клиентелизма обратились К. Легг и Р. Лемаршан [29]. В своих работах они выделили три основных типа клиентелизма – феодальный, патримониальный и современный, присущий индустриальным обществам. При этом патримониально-клиентелистские системы были разделены ими на две группы – традиционалистские и модернизационные, различающиеся между собой по ряду параметров. В традиционалистской патримониальной системе отношения зависимости концентрируются, как правило, вокруг фигуры правителя, тогда как при модернизированном (нео)патримониализме они возникают в различных секторах – партийном, профсоюзном, бюрократическом, коммерческом. Однако даже в этом случае клиентелизм извращает содержание формальных норм и процедур, в том числе превращая выборы в средство, с помощью которого «клиентам предоставляется возможность продемонстрировать свою лояльность посредством голосования» [29, с. 168]. В то же время ученые показали, что различные формы клиентелистских отношений могут возникать в современных индустриальных обществах, причем не в силу сохраняющейся культурно-исторической традиции, а вследствие логики функционирования самих бюрократических институтов. Примерами подобных систем, по их мнению, могут служить «политические машины» США и других современных обществ, где семейные и другие личные связи и отношения являются важным фактором политического рекрутирования и сплочения элит.

Вместе с тем необходимо отметить, что Р. Лемаршан и К. Легг не проводили принципиальных различий между такими понятиями, как «клиентелизм», «патронаж» либо «машинная политика» (англ. *machine politics*), рассматривая их как разные наименования единого феномена – политического клиентелизма [29, с. 149]. Иначе подошел к решению этого вопроса Ж.-Ф. Медар, по мнению которого в аналитических целях необходимо различать отдельные виды и проявления клиентелизма, такие, как nepотизм («кумовство»), патронаж, пребендализм, дружеские связи (кронизм), фаворитизм, трайбализм, этнорегионализм, коррупция и др. Клиентелизм Ж.-Ф. Медар определил как «отношения личной зависимости, основанные

на взаимном обмене услугами между двумя лицами, патроном и клиентом, которые контролируют неравные ресурсы». Одной из форм патрон-клиентских отношений является патронаж, который, согласно Медару, менее персонафицирован и представляет собой «партикуляристский способ распределения государственных ресурсов в обмен на политическую поддержку» [32, с. 88].

Пребендиализм (англ. *prebendalism*) Ж.-Ф. Медар рассматривал как особый случай патронажа, представляющего собой практику предоставления отдельным лицам различного рода привилегий в виде государственных должностей, чинов, доходных мест, возможностей различного рода сборов, которые могут свободно отчуждаться вплоть до их продажи либо передачи по наследству. Такие формы отношений, согласно М. Веберу, были характерны для патримониального чиновничества прошлого, однако попытки возродить их «в преобразованном виде» нередки и в среде современной бюрократии [43, с. 259, 966].

Фаворитизм Ж.-Ф. Медар трактует как вид «придворной политики» (англ. *court politics*), характерной для абсолютистских монархий, где положение придворных всецело зависело от благосклонности короля. С развитием фаворитизма возникают патронально-клиентарные сети, которые могут быть более или менее централизованными, охватывать все общество или его части. Децентрализованный клиентелизм, в свою очередь, ведет к появлению политических фракций и «фракционной политике» (англ. *faction politics*). Такие фракции организованы вертикально по отношению к главе государства, но сами они основаны как на вертикальных клиентелистских связях, так и на горизонтальных социальных обменах и альянсах, т. е. на «дружеских связях» (англ. *friendship ties*). Еще одна форма клиентелистских отношений – трайбализм, что, согласно Медару, «обычно связано с родственными узами (поскольку племя представляется как “большая семья”), а также с клиентелизмом и патронажем» [32, с. 89]. Политический клиентелизм может выступать также в форме этнорегионализма, который «обычно является частью системы патронажа и представляет собой разновидность привилегированного клиентелизма, ориентированного на этническую группу» [32, с. 89]. Все эти социальные практики основаны на смешении государственной и частной форм собственности, что неизбежно порождает коррупцию. При этом, как отметил Ж.-Ф. Медар, понятие «коррупция» отсутствует в условиях традиционного патримониализма и возникает лишь тогда, когда признается, но не соблюдается различие между частным и общественным; соответственно, «Рыночная коррупция является результатом монетизации экономики и становления рынка как института» [32, с. 90].

В этой связи Ж.-Ф. Медар рассматривал клиентелизм, патримониализм и неопатримониализм как различные и даже конкурирующие между собой модели социально-политической организации. Основными чертами «традиционного» патримониализма, согласно Медару, являются: 1) персонализация власти главой государства («личное правление»); 2) отсутствие принципиальных различий между политической и экономической сферами управления [32, с. 86]. В то же время неопатримониальное государство, согласно взглядам Ж.-Ф. Медара, представляет собой «своего рода противоречивое и изменчивое сочетание патримониального и легально-рационального господства» [32, с. 78].

Однако современные исследователи не склонны рассматривать клиентелизм и его производные в качестве самостоятельных форм общественных отношений и, как правило, характеризуют их как проявления неопатримониализма. Широкую известность в научной среде получила концепция М. Браттона и Н. ван де Валле, согласно которым типичными признаками неопатримониальных государств являются следующие [17, с. 63–65]:

1) «президентство», которое в данном случае означает «систематическую концентрацию политической власти в руках одного человека, который отказывается делегировать другим лицам все, кроме самых простых задач по принятию решений»;

2) «систематический клиентелизм», который подразумевает, что президент или иной правитель сохраняет власть посредством предоставления личных услуг своим последователям, например распределяя экономические ресурсы или должности в государственном секторе;

3) использование государственных ресурсов в целях политической легитимации режима.

В силу этой специфики, как отмечают М. Браттон и Н. ван де Валле, в большинстве неопатримониальных государств отношения личной зависимости пронизывают практически все, без исключения, политико-административные институты, а замещение государственных должностей осуществляется не для выполнения общественных функций (как это декларируется публично), а исключительно для личного обогащения и повышения собственного статуса. Различные неофициальные структуры, при такой системе отношений, могут обладать даже значительно большей властью и влиянием, чем официальные органы управления [17, с. 65].

В начале 2000-х гг. эти идеи получили дальнейшее обоснование в работах Н. ван де Валле, который выделил три основные формы клиентелизма, характерные для различных обществ [42, с. 3]:

1) традиционный («патримониальный») клиентелизм, или «дань уважения» (англ. *tribute*), представляющий собой укоренившуюся практику обмена подарками;

2) элитарный клиентелизм, характерной формой которого является пребендализм;

3) массовый клиентелизм, который опирается на систему политического патронажа и практику создания массовых клиентел в целях обеспечения широкой электоральной поддержки.

Особое внимание ван де Валле обратил на различия между массовым и элитарным клиентелизмом, подчеркивая необходимость «отличать политические системы, которые в основном опираются на патронаж, от тех, которые опираются на пребендализм» [42, с. 3]. Элитарный клиентелизм, по мнению ван де Валле, создает препятствия для массового участия и политической конкуренции; в этой связи он устойчиво ассоциируется с «закрытыми» политическими режимами, при которых элиты мало подотчетны гражданам, а их незаконные действия не влекут за собой негативных санкций. С другой стороны, массовый клиентелизм и лежащая в его основе практика патронажа отвечают потребностям демократической политики, поскольку сочетаются с высоким уровнем политического участия граждан. Более того, развитие этих процессов способствует расширению локальных клиентелистских сетей вплоть до создания «политических машин» общенационального уровня [42, с. 7], с функционированием которых исследователи связывают возможности становления более демократичной модели политической организации («*Developmental democracy*», по Н. Робинсону) [35, с. 8].

Электоральный клиентелизм и «машинная политика»

Особое место в функционировании неопатримониальных систем занимают партии, хотя их внутренняя природа и роль в политическом процессе могут существенно различаться. В одних случаях партии выступают как институты, обеспечивающие мобилизацию масс для решения общенациональных задач, в других – как инструмент реализации узкогрупповых интересов элит. Одни партии могут создаваться преднамеренно, по воле руководства страны, в ответ на давление внутренних или внешних сил; в других случаях правящая группа может использовать действующие партии для изменения сложившегося политического баланса [36, с. 301]. На способы создания партий и их готовность поддерживать правящую группу существенно влияют также институциональные факторы, определяющие порядок проведения выборов, периодичность электоральных циклов, характеристики участников. С изменением институциональной среды изменяются и сами партии, как правило, в соответствии с интересами политического руководства. В этой связи, как отмечает Т. Келсолл, внедрение многопартийности и регулярное проведение выборов не только

не ослабляет неопатримониализм, но, возможно, даже усиливает его [26, с. 77]. Причиной данного феномена, по мнению ряда исследователей, является феномен перевернутой («порочной») подотчетности (англ. *pervverted accountability*), в силу которого не политики подотчетны избирателям в своих действиях, а напротив, избиратели зависимы от политиков и подконтрольны им в своем выборе.

«Перевернутая подотчетность – способность партий отслеживать голоса избирателей, вознаграждать их за поддержку и наказывать за дезертирство...», – писал об этом С. Стоукс [40, с. 325]. Формирование такой модели отношений она связывает с функционированием характерных для многих стран мира «политических машин» (англ. *political machine*) – клиентелистских партий, которые мобилизуют электоральную поддержку, предлагая избирателям особые преимущества (вплоть до прямого подкупа) в обмен на их голоса на выборах. Такие «политические машины» активно использовались в США во второй половине XIX в. В 1891 г. в США были внесены существенные изменения в электоральное законодательство и введен «австралийский» бюллетень, который теперь централизованно изготавливался официальными структурами и содержал перечень всех участвующих в выборах партий или кандидатов [31]. Однако партийные «политические машины» после этого не исчезли и в определенной мере продолжают функционировать и сегодня. В качестве одного из актуальных примеров С. Стоукс приводит случай в Восточном Кентукки, где в 2004 г. прокуратура обвинила кандидата на должность окружного судьи в выдаче избирателям чеков по 50 долларов в обмен на их поддержку [40, с. 316]. Что же касается ситуации в других странах, то, как отмечает С. Стоукс, «коррупция, подкуп избирателей, клиентелизм и “машинная политика” являются пороками многих демократических государств по всему миру даже сегодня» [40, с. 324]. Примерами клиентелистских партий, имеющих давнюю историю и ориентированных, в том числе, на поддержку трудящимися слоями населения, эксперты называют: Итальянскую христианско-демократическую партию (итал. *Partito della Democrazia Cristiana – DC*), активно действовавшую на юге Италии с 1943 по 1994 г.; Сингапурскую партию народного действия (англ. *Singapore People's Action Party – PAP*), основанную в 1954 г.; Перуанскую Апристскую партию Перу (исп. *Peru's Partido Aprista Peruano – APRA*), основанную в 1920-х гг.; Мексиканскую институционно-революционную партию (исп. *Mexico's Institutional Revolutionary Party – PRI*), основанную в 1930-х гг., Христианистскую партию Аргентины (исп. *Partido Justicialista, PJ – Партия Справедливости*), основанную в 1940-х гг. как организацию аргентинских перонистов, и ряд других [40, с. 318].

В 1990-х гг. такие «политические машины», действующие на региональном или общенациональном уровнях, стали формироваться во многих посткоммунистических государствах, включая современную Россию. Так, например, Г. Хейл отмечает, что в постсоветской России данная тенденция нашла отражение в формировании множества квазипартийных организаций, создаваемых по инициативе региональных лидеров либо поддерживающих их корпораций. Причины данного феномена Г. Хейл, вслед за Г. Китчелтом, объясняет влиянием коммунистического наследия, а точнее – глубоко укорененной традиции политического патронажа в форме «патримониального коммунизма» [24]. В результате именно региональные «политические машины» во главе с избранными руководителями субъектов РФ превратились к концу 1990-х гг. в основных участников политического процесса, выступая при этом в качестве оппозиционной политической силы по отношению к федеральному центру.

Наиболее острые формы эта политическая конфронтация приняла накануне предстоявших в России в декабре 1999 г. парламентских выборов, когда на политическую арену вышли два крупных региональных объединения – «Отечество» во главе с мэром Москвы Ю. М. Лужковым и «Вся Россия» (лидеры – президент Татарстана М. Шаймиев, президент Башкирии М. Рахимов, губернатор Санкт-Петербурга В. Яковлев). В августе 1999 г. состоялся объединительный съезд этих организаций, в результате чего возник избирательный блок «Отечество – Вся Россия», возглавить

который согласился Е. М. Примаков (председатель Правительства РФ с 11 сентября 1998 по 12 мая 1999 г.) [14, с. 184–185]. В этих условиях консолидированная вокруг фигуры Б. Н. Ельцина пропрезидентская «партия» в Кремле вынуждена была срочно принимать ответные меры, чтобы сохранить свои позиции. Всего за два месяца до выборов было создано межрегиональное избирательное объединение «Единство», призванное представлять сторонников федерального правительства, которое с августа 1999 г. возглавил В. В. Путин (директор ФСБ России с июля 1998 по август 1999 г.). Именно высокий уровень доверия российских избирателей к В. Путину обеспечил относительный успех объединения «Единство», которое на выборах в Государственную думу 19 декабря 1999 г. заняло второе место (после КПРФ – 24,29 % голосов), набрав 23,32 % голосов по общефедеральному округу, опередив при этом своего главного соперника – блок «Отечество – Вся Россия» (13,33 % голосов избирателей) [3].

С избранием В. В. Путина в марте 2000 г. президентом РФ [4] начался качественно новый этап реформирования российской политической системы, главной целью которого стало преодоление раскола внутри правящего слоя и консолидация элит вокруг федерального центра и его руководителя. Одним из результатов этой стратегии стало слияние во второй половине 2001 г. двух конкурировавших прежде политических блоков – «Единства» и «Отечество – Вся Россия» – и создание на этой основе политической партии «Единая Россия» (далее – ЕР), ставшей одним из ключевых элементов новой политической системы. В то же время дальнейшему изменению подверглось избирательное законодательство [14, с. 185–186]. В итоге благодаря целенаправленным усилиям Кремля стали вырисовываться контуры ограниченно-конкурентной системы с доминирующей партией в лице ЕР, призванной обеспечить воспроизводство власти и преемственность ее состава. При этом общее количество партий неуклонно сокращалось: если в 1999 г. в России были зарегистрированы 139 партий, то в 2004 г. их осталось 48, в 2008 г. – 14, а к концу 2009 г., в результате различных организационных слияний и преобразований, количество официально действующих в стране партий сократилось до семи [7, с. 125]. В то же время был вновь изменен порядок формирования верхней палаты российского парламента – Совета Федерации, вследствие чего главы регионов лишились права непосредственного представительства в этом органе [12]. Однако самой решительной мерой, ограничившей автономию региональных элит, стала отмена прямых выборов глав регионов, которые фактически утратили свой политический статус и превратились в назначаемых или утверждаемых центром чиновников [11].

Таким образом, за первые восемь лет президентства В. В. Путина (май 2000 – май 2008) партийная и политическая системы страны претерпели существенные изменения. Главным содержанием этих трансформаций, как отмечает Г. Хейл, стал «переход от системы “конкурирующих пирамид”, в которой многочисленные региональные и корпоративные пирамиды патронажа активно конкурировали за поддержку избирателей, к системе “единой пирамиды”, в которой президент эффективно объединил наиболее важные патронажные сети нижнего уровня в одну большую общенациональную политическую машину» [23, с. 35]. Все это дало основание Г. Хейлу рассматривать современную Россию как страну с «электоральной патрональной системой» (англ. electoral patronal system), основными чертами которой являются: 1) использование выборов как формального механизма получения, сохранения и удержания правящей группой ключевых позиций в структурах государственной власти и управления; 2) наличие нескольких партий, в том числе оппозиционных, которым официально разрешено участвовать в этих выборах; 3) осуществление власти через сложные патронально-клиентарные сети, посредством которых осуществляется контроль над поведением политических и экономических агентов, распределяются различные блага и привилегии либо, напротив, применяются санкции [23, с. 34]. При этом широкое использование «административного ресурса» позволяет властям гарантированно исключать из политического процесса заведомо

неприемлемые для себя фигуры, не прибегая к открытым репрессиям и сохраняя относительно демократический имидж. Во многом схожие иерархические пирамиды патронажа, по мнению Г. Хейла, были созданы в конце 1990 – начале 2000-х гг. в ряде других постсоветских государствах – Азербайджане, Беларуси, Казахстане, Узбекистане [23, с. 38–39].

Неопатримониализм, клиентелизм и развитие

В целом проведенный нами анализ свидетельствует о том, что изучение политического клиентелизма в рамках неопатримониального подхода оказалось необычайно эффективным и позволило в определенной мере приблизиться к решению трех ключевых проблем, которые более сорока лет назад сформулировал Карл Ланде, а именно – проблем концептуализации, наблюдения и объяснения данного феномена [28]. При этом неопатримониальная перспектива, междисциплинарная по своей природе, позволяет достаточно полно интегрировать и представить в совершенно ином ракурсе результаты исследований патронально-клиентарных отношений, полученные в рамках иных исследовательских подходов – сравнительно-исторического, социологического, политэкономического, неинституционального и других [5, с. 8].

Вместе с тем обращает на себя внимание характерная для многих представителей неопатримониального подхода тенденция к фактическому отождествлению клиентелизма и неопатримониализма. Наиболее полное отражение данная позиция нашла в работах таких авторов, как М. Браттон и Н. ван де Валле, Дж. Эрдманн и У. Энгель, К. вон Соест [39]. Однако такое решение проблемы встречает возражения со стороны других специалистов, по мнению которых, акцент на изучении клиентелизма «может привести к преувеличению важности в общей схеме вещей тех отношений, которые он [клиентелизм] способен лучше всего осветить» [18, с. 32]. Как следствие, возникает опасность сведения неопатримониализма к некой универсальной концепции, которая при таком подходе теряет свою аналитическую эффективность [41, с. 555].

Но несмотря на серьезную критику в свой адрес, неопатримониальная парадигма все более привлекает внимание исследователей, выступая в качестве альтернативы дискредитировавшим себя на практике «девелопменталистским» теориям. Главное достоинство этой парадигмы заключается в ее трансдисциплинарном характере, обусловленном генетической связью с научным наследием М. Вебера. С другой стороны, как заметили Дж. Эрдманн и У. Энгель, неопатримониальный подход «систематически связывает политику с осуществлением власти, которая является ключевым предметом политической науки» [22, с. 113]. Именно в силу этих достоинств неопатримониального подхода многие его сторонники пришли к значимым научным результатам. Принципиальное значение, на наш взгляд, имела констатация Ж.-Ф. Медаром того факта, что концепция клиентелизма «слишком узка», чтобы охватить все многообразие неопатримониальных практик [33, с. 181]. В этой связи ученый обращал внимание на разнообразие существующих в мире форм неопатримониализма. Главной чертой африканских неопатримониальных систем он называл пребендализм как практику использования ресурсов государства, предоставляемых, как правило, в натуральной форме [32, с. 81]. В то же время режим Сесе Секо Мобуту в Заире (1965–1998), согласно Медару, во многом напоминал султанистское правление, в то время как Кения в период правления Джомы Кениаты (1964–1978) представляла собой непотическое государство, где все бразды правления находились в руках семьи президента [32, с. 86–91].

Вслед за Медаром, к сравнительному изучению неопатримониальных государств Африки, Азии, Латинской Америки и других регионов планеты обратились многие современные исследователи [15]. При этом выяснилось, что формы клиентелизма, характерные для отдельных регионов планеты, весьма различны. Так, например, латиноамериканские неопатримониальные системы 1980-х гг. исследователи описывали как типичные случаи «захвата» государства военными или бюрократическими кликами, что превращало их «в частное правление тех, кто обладает

необходимой властью для осуществления политического господства» [34, с. 229]. Ситуацию на Филиппинах и в ряде других государств Юго-Восточной Азии П. Хатчкрофт охарактеризовал как «олигархический патримониализм», при котором «влияние внебюрократических сил затмевает влияние бюрократии, и основная власть принадлежит не классу должностных лиц, а скорее частному сектору» [25, с. 52]. Для большинства посткоммунистических государств характерно использование клиентелистских «политических машин», функционирование которых, как заметил А. А. Фисун, способствует лишь «обновлению, модификации и рационализации неопатримониальных практик господства» [13, с. 160].

Исследователи также отмечают, что в определенных случаях неопатримониальные системы могут быть достаточно эффективными, поскольку они предполагают: 1) стимулирование экономического роста для получения прибыли; 2) определенные способы извлечения этой прибыли, 3) «рациональное политическое перераспределение прибыли с целью обеспечения политической поддержки» [32, с. 94]. На основе этих представлений в работах ряда современных ученых была разработана концепция «регулируемого неопатримониализма» [15, с. 278], важной характеристикой которого является стремление правящей элиты «использовать интервенционистскую силу государства для управления инвестициями таким образом, чтобы способствовать определенному солидаристскому видению национальной экономики» [30, с. 240].

В целом анализ этих проблем приводит исследователей к выводам о том, что неопатримониализм как таковой является препятствием на пути социально-экономического развития многих стран мира, а те специфические формы, которые он может принимать в зависимости от состояния их институциональной среды, специфики патронажно-клиентарных сетей и форм распределения ренты [16]. Соответственно, дальнейшее совершенствование научных представлений в этой области требует, с одной стороны, переоценки взаимосвязей между неопатримониализмом, политическим клиентелизмом и способностью государства проводить политику развития, а с другой – диктует необходимость дальнейшей концептуализации изучаемых феноменов, во многом определяющих состояние государственной власти не только в странах развивающегося мира, но и во многих развитых государствах, политические системы которых причудливо сочетают формальные принципы функционирования современного «административного государства» с неформальными практиками управления, обусловленными культурно-историческими традициями этих стран и личностными характеристиками их политических руководителей.

Выводы

Таким образом, проведенный анализ во многом подтвердил гипотезу автора о высокой продуктивности неопатримониального подхода как средства научного анализа, которое может быть эффективно использовано для сравнительного исследования существующих в мире форм политического клиентелизма. Обоснованность этих выводов подтверждает обширный эмпирический материал, полученный в результате изучения механизмов функционирования неопатримониальных систем различных государств и регионов планеты. Исследование также показало, что выводы ученых, сделанные по итогам таких кросс-национальных сравнений, могут существенно расходиться и даже противоречить один другому. Главной причиной данных противоречий, по мнению автора, является концептуальная неопределенность категории «неопатримониализм», которая по-прежнему остается очень широким и вместе с тем «неуловимым» понятием, требующим более четкого определения и демаркации в отношении других схожих феноменов, таких как клиентелизм, патронаж, непотизм и ряд других. Решение данных проблем предполагает прежде всего критическое переосмысление сложившихся в современной науке представлений о сущности неопатримониализма, в частности трактовки его как совокупности трех взаимосвязанных компонентов, таких как «личное правление», клиентелизм и использование государственных ресурсов в политических целях. Гораздо более убедительной, по мнению автора, является позиция тех ученых, которые, вслед за Ж.-Ф. Медаром,

предлагают рассматривать неопатримониализм и клиентелизм как различные формы социально-политической организации, которые в определенных социокультурных и институциональных условиях могут сочетаться либо, напротив, конкурировать друг с другом. Такая аналитическая дифференциация открывает широкие перспективы для дальнейшего развития политико-компаративных исследований в этой области и более полного описания региональной и национальной специфики клиентарно-патронажных систем, характерных для стран Азии, Африки, Латинской Америки, многих посткоммунистических государств и других регионов планеты. Именно с этих позиций, на наш взгляд, можно приблизиться также к удовлетворительному объяснению проблемы «русской власти», устойчиво воспроизводящей свои традиционные черты в различном историческом контексте и успешно перестраивающей под себя любые, имплантированные извне, институциональные структуры и модели политической организации.

Список источников

1. Афанасьев, М. Н. Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений / М. Н. Афанасьев. – 2-е изд., доп. – Москва : Московский общественный научный фонд, 2000. – 318 с.
2. Восленский, М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза / М. С. Восленский. – Москва : Советская Россия, Октябрь, 1991. – 624 с.
3. Выборы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации 1999 г. – URL: http://old.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/1999/index.html (дата обращения: 10.09.2025).
4. Выборы Президента Российской Федерации 2000 г. – URL: http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/president/2000/ (дата обращения: 11.09.2025).
5. Гилев, А. Введение. Черные кошки в темных комнатах: исследования политического патронажа в общественных и гуманитарных науках / А. Гилев // Патрон-клиентские отношения в истории и современности. – Москва : Политическая энциклопедия, 2016. – С. 6–40.
6. Давыдов, Ю. Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология: Актуальные проблемы веберовского социологического учения / Ю. Н. Давыдов. – Москва : Мартис, 1998. – 509 с.
7. Макаркин, А. Партийная система современной России и начало кризиса // Неприкосновенный запас. – 2009. – № 1 (63). – С. 125–136.
8. Масловский, М. В. Теория бюрократии Макса Вебера и современная политическая социология / М. В. Масловский. – Нижний Новгород : Нижегородский гос. ун-т, 1997. – 51 с.
9. Павлов-Сильванский, Н. П. Феодализм в России / Н. П. Павлов-Сильванский ; отв. ред. С. О. Шмидт. – Москва : Наука, 1988. – 690 с.
10. Патрон-клиентские отношения в истории и современности. – Москва : Политическая энциклопедия, 2016. – 415 с.
11. Федеральный закон от 11 декабря 2004 г. № 159-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и в Федеральный закон “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”» (с изменениями и дополнениями). – URL: <https://base.garant.ru/12137945/?ysclid=m49xnm28ks928356575> (дата обращения: 14.09.2025).
12. Федеральный закон от 5 августа 2000 г. № 113-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28087/?ysclid=m49x6zmta92359946 (дата обращения: 15.09.2025).
13. Фисун, А. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация / А. Фисун // Политическая концептология. – 2010. – № 4. – С. 158–187.
14. Чайко, И. В. Этапы конституционной реформы / И. В. Чайко // Качинские чтения. – Москва : Качинец, 2010. – Вып. 13–14. – С. 179–192.
15. Bach, D. Patrimonialism and Neopatrimonialism: Comparative Trajectories and Readings / D. Bach // *Commonwealth and Comparative Politics*. – 2011. – Vol. 49, № 3. – P. 275–294. – doi: 10.1080/14662043.2011.582731.

16. Bonga, G. W. Exploring the Impact of Neopatrimonialism Dominance in Africa / G. W. Bonga // *Dynamic Research Journals – Journal of Economics and Finance*. – 2021. – Vol. 6, № 1. – P. 17–23.
17. Bratton, M. Democratic Experiments in Africa. Regime Transitions in Comparative Perspective / M. Bratton, N. van de Walle. – Cambridge : Cambridge University Press, 1997. – 330 p.
18. Clapham, C. Clientelism and the state // *Private Patronage and Public Power* / ed. by C. Clapham. – London : Frances Pinter, 1982. – P. 1–35.
19. David-Barrett, E. State capture and development: a conceptual framework / E. David-Barrett // *Journal of International Relations and Development*. – 2023. – Vol. 26. – P. 224–244. – doi: 10.1057/s41268-023-00290-6.
20. Easter, G. M. Reconstructing The State. Personal Networks and Elite Identity in Soviet Russia / G. M. Easter. – Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 2000. – 221 p. – doi: 10.1017/CBO9780511571527.
21. Eisenstadt, S. N. Traditional Patrimonialism and Modern Neopatrimonialism / S. N. Eisenstadt. – London : Beverly Hills: Sage Publications, 1973. – 95 p.
22. Erdmann, G. Neopatrimonialism Reconsidered: Critical Review and Elaboration of an Elusive Concept / G. Erdmann, U. Engel // *Commonwealth and Comparative Politics*. – 2007. – Vol. 45, № 1. – P. 95–119. – doi: 10.1080/14662040601135813.
23. Hale, H. Eurasian Politics as Hybrid Regimes: The Case of Putin's Russia / H. E. Hale // *Journal of Eurasian Studies*. – 2010. – Vol. 1, № 1. – P. 33–41. – doi:10.1016/j.euras.2009.11.001.
24. Hale, H. Correlates of clientelism: political economy, politicized ethnicity, and post-communist transition // *Patrons, Clients, and Policies. Patterns of Democratic Accountability and Political Competition* / ed. by H. Kitschelt, S. Wilkinson. – Cambridge : Cambridge University Press, 2007. – P. 227–250.
25. Hutchcroft, P. D. Booty Capitalism: The Politics of Banking in the Philippines / P. D. Hutchcroft. – Ithaca : Cornell University Press, 1998. – 278 p.
26. Kelsall, T. Rethinking the Relationship between Neopatrimonialism and Economic Development in Africa / T. Kelsall // *Institute of Development Studies Bulletin*. – 2011. – Vol. 42, № 2. – P. 76–87. – doi: 10.1111/j.1759-5436.2011.00213.x.
27. Kitschelt, H. P. Divergent paths of postcommunist democracies / H. P. Kitschelt // *Political Parties and Democracy* / ed. by L. J. Diamond, G. Richard. – Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2001. – P. 299–323.
28. Lande, C. H. Political clientelism in political studies. Retrospect and prospects / C. H. Lande // *International Political Science Review*. – 1983. – Vol. 4, № 4. – P. 440–444.
29. Lemarchand, R. Political Clientelism and Development: A Preliminary Analysis / R. Lemarchand, K. Legg // *Comparative Politics*. – 1972. – Vol. 4, № 2. – P. 149–178.
30. Loriaux, M. The French Developmental State as Myth and Moral Ambition / M. Loriaux // *The Developmental State* / ed. by M. Woo-Cumings. – Ithaca : Cornell University Press, 1999. – P. 235–276.
31. McCaffery, P. When Bosses Ruled Philadelphia: The Emergence of the Republican Machine, 1867–1933 / P. McCaffery. – University Park : Pennsylvania State University Press, 1993. – 264 p.
32. Medard, J. F. Patrimonialism, Patrimonialization, Neo-Patrimonialism and the Study of the Post-Colonial state in Subsaharian Africa / J. F. Medard // *Improved Natural Resources Management: the Role of Formal Organizations and Informal Networks and Institutions* / ed. by H. S. Marcussen. Occasional Paper, 17. – Denmark : Roskilde University; 1996. – P. 76–97.
33. Medard, J.-F. The underdeveloped state in tropical Africa: Political clientelism or neopatrimonialism? / J.-F. Médard // *Private Patronage and Public Power: Political Clientelism in the Modern State* / ed. by C. S. Clapham. – London : Frances Pinter, 1982. – P. 162–192.
34. Oszlak, O. Public policy and political regimes in Latin America / O. Oszlak // *International Social Science Journal*. – 1986. – № 38 (2). – P. 219–236.
35. Robinson, N. The Political Origins of Russia's "Culture Wars" / N. Robinson. – Limerick : University of Limerick, 2014. – 37 p.
36. Robinson, N. Institutional factors and Russian political parties: the changing needs of regime consolidation in a neopatrimonial system / N. Robinson // *East European Politics*. – 2012. – Vol. 28, № 3. – P. 298–309. – doi:10.1080/21599165.2012.685629.
37. Roth, G. Personal Rulership, Patrimonialism, and Empire Building in the New States / G. Roth // *World Politics*. – 1968. – Vol. 20, № 2. – P. 194–206.
38. Scott, J. C. Patron-client politics and political change in Southeast Asia / J. C. Scott // *American Political Science Review*. – 1972. – Vol. 66, № 1. – P. 91–113.

39. Soest, C. von. Neopatrimonialism: a critical assessment / C. von. Soest // Elgar Handbook on Governance and Development / ed. by W. Hout, J. Hutchinson. – Cheltenham : Edward Elgar, 2022. – P.145–159. – doi: 10.4337/9781789908756.00019.
40. Stokes, S. C. Perverse Accountability: A Formal Model of Machine Politics with Evidence from Argentina / S. C. Stokes // American Political Science Review. – 2005. – Vol. 99, № 03. – P. 315–325. – doi:10.1017/S0003055405051683.
41. Theobald, R. Patrimonialism / R. Theobald // World Politics. – 1982. – Vol. 34, № 4. – P. 548–559.
42. Van de Walle, N. The path from neopatrimonialism: democracy and clientelism in Africa today / N. van de Walle // Cornell University Mario Einaudi Center for International Studies. Working paper. – 2007. – № 3-07. – 16 p.
43. Weber, M. Economy and Society. An outline of interpretive sociology / M. Weber. – New York : Bedminster Press Incorporated, 1968. – 1469 p.
44. Zon, H. van. Russia's Development Problem: The Cult of Power / H. van Zon. – London : Palgrave, 2008. – 206 p.

References

1. Afanasev, M. N. *Klientelizm i rossiyskaya gosudarstvennost: Issledovanie klientarnykh otosheniy* [Clientelism and Russian statehood: A study of client relations]. 2nd ed. Moscow: Moscow Public Scientific Foundation; 2000, 318 p.
2. Voslenskiy, M. S. *Nomenklatura. Gospodstvuyushchiy klass Sovetskogo Soyuz* [Nomenclature. The ruling Class of the Soviet Union]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, Oktyabr; 1991, 624 p.
3. *Vybory v Gosudarstvennuju Dumu Federalnogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii 1999 g.* [Elections to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation in 1999]. Available at: http://old.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/1999/index.html (accessed: 10.09.2025).
4. *Vybory Prezidenta Rossiyskoy Federatsii 2000 g.* [Election of the President of the Russian Federation in 2000]. Available at: http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/president/2000/ (accessed: 11.09.2025).
5. Gilev, A. Vvedenie. Chernye koshki v temnykh komnatakh: issledovaniya politicheskogo patronazha v obshchestvennykh i gumanitarnykh naukakh [Introduction. Black cats in dark rooms: Studies of Political Patronage in the Social Sciences and Humanities]. *Patron-klientskie otosheniya v istorii i sovremennosti* [Patron-client relations in History and modernity]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya; 2016, pp. 6–40.
6. Davydov, Yu. N. *Maks Veber i sovremennaya teoreticheskaya sotsiologiya: Aktualnye problemy veberovskogo sotsiologicheskogo ucheniya* [Max Weber and modern theoretical sociology: Current problems of Weber's sociological teaching]. Moscow: Martis; 1998, 509 p.
7. Makarkin, A. Partiyaya sistema sovremennoy Rossii i nachalo krizisa [The party system of modern Russia and the beginning of the crisis]. *Neprikosnovenny zapas* [An inviolable reserve]. 2009, no. 1 (63), pp. 125–136.
8. Maslovskiy, M. V. *Teoriya byurokratii Maksa Vebera i sovremennaya politicheskaya sotsiologiya* [Max Weber's theory of bureaucracy and modern political sociology]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University; 1997, 51 p.
9. Pavlov-Silvanskiy, N. P. *Feodalizm v Rossii* [Feudalism in Russia]. Ed. by S. O. Schmidt. Moscow: Nauka; 1988, 690 p.
10. *Patron-klientskie otosheniya v istorii i sovremennosti* [Patron-client relations in History and modernity]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya; 2016, 415 p.
11. *Federalnyy zakon ot 11 dekabrya 2004 g. N 159-FZ "O vnesenii izmeneniy v Federalnyy zakon "Ob obshchih principakh organizatsii zakonodatelnykh (predstavitelnykh) i ispolnitelnykh organov gosudarstvennoy vlasti subektov Rossiyskoy Federatsii" i v Federalnyy zakon "Ob osnovnykh garantiyakh izbiratelnykh prav i prava na uchastie v referendume grazhdan Rossiyskoy Federatsii" (s izmeneniyami i dopolneniyami)* [Federal Law No. 159-FZ of December 11, 2004 "On Amendments to the Federal Law "On General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of Subjects of the Russian Federation" and to the Federal Law "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum citizens of the Russian Federation" (with amendments and additions)]. Available at: <https://base.garant.ru/12137945/?ysclid=m49xnm28ks928356575> (accessed: 14.09.2025).
12. *Federalnyy zakon ot 5 avgusta 2000 g. N 113-FZ "O porjadke formirovaniya Soveta Federatsii Federalnogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii"* [Federal Law No. 113-FZ of August 5, 2000 "On the Procedure for the Formation of the Federation Council of the Federal Assembly of the

Russian Federation"]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28087/?ysclid=m49x6zrnta92359946 (accessed: 15.09.2025).

13. Fisun, A. K. pereosmysleniyu postsovetskoy politiki: neopatrimonialnaya interpretatsiya [Rethinking post-Soviet Politics: a neopatrimonial interpretation]. *Politicheskaya kontseptologiya* [Political Conceptology]. 2010, no. 4, pp. 158–187.

14. Chayko, I. V. Etapy konstitutsionnoy reformy [Stages of constitutional reform]. *Kachinskije chteniya* [Kaczynski readings]. Moscow: Kachinets Aviator Support Foundation; 2010, iss. 13–14, pp. 179–192.

15. Bach, D. Patrimonialism and Neopatrimonialism: Comparative Trajectories and Readings. *Commonwealth and Comparative Politics*. 2011, vol. 49, no. 3, pp. 275–294, doi: 10.1080/14662043.2011.582731.

16. Bonga, G. W. Exploring the Impact of Neopatrimonialism Dominance in Africa. *Dynamic Research Journals – Journal of Economics and Finance*. 2021, vol. 6, no 1, pp. 17–23.

17. Bratton, M., van de Walle, N. *Democratic Experiments in Africa. Regime Transitions in Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press; 1997, 330 p.

18. Clapham, C. Clientelism and the state. *Private Patronage and Public Power*. Ed. by C. Clapham. London: Frances Pinter; 1982, pp. 1–35.

19. David-Barrett, E. State capture and development: a conceptual framework. *Journal of International Relations and Development*. 2023, vol. 26, pp. 224–244, doi: 10.1057/s41268-023-00290-6.

20. Easter, G. M. *Reconstructing The State. Personal Networks and Elite Identity in Soviet Russia*. Cambridge; New York: Cambridge University Press; 2000, 221 p., doi: 10.1017/CBO9780511571527.

21. Eisenstadt, S. N. *Traditional Patrimonialism and Modern Neopatrimonialism*. London; Beverly Hills: Sage Publications; 1973, 95 p.

22. Erdmann, G., Engel, U. Neopatrimonialism Reconsidered: Critical Review and Elaboration of an Elusive Concept. *Commonwealth and Comparative Politics*. 2007, vol. 45, no. 1, pp. 95–119, doi: 10.1080/14662040601135813.

23. Hale, H. Eurasian Politics as Hybrid Regimes: The Case of Putin's Russia. *Journal of Eurasian Studies*. 2010, vol. 1, no 1, pp. 33–41, doi: 10.1016/j.euras.2009.11.001.

24. Hale, H. Correlates of clientelism: political economy, politicized ethnicity, and post-communist transition. *Patrons, Clients, and Policies. Patterns of Democratic Accountability and Political Competition*. Ed. by H. Kitschelt, S. Wilkinson. Cambridge: Cambridge University Press; 2007, pp. 227–250.

25. Hutchcroft, P. D. *Booty Capitalism: The Politics of Banking in the Philippines*. Ithaca: Cornell University Press; 1998, 278 p.

26. Kelsall, T. Rethinking the Relationship between Neopatrimonialism and Economic Development in Africa. *Institute of Development Studies Bulletin*. 2011, vol. 42, no. 2, pp. 76–87, doi: 10.1111/j.1759-5436.2011.00213.x.

27. Kitschelt, H. P. Divergent paths of postcommunist democracies. *Political Parties and Democracy*. Ed. by L. J. Diamond, G. Richard. Baltimore: Johns Hopkins University Press; 2001, pp. 299–323.

28. Lande, C. H. Political clientelism in political studies. Retrospect and prospects. *International Political Science Review*. 1983, vol. 4, no. 4, pp. 440–444.

29. Lemarchand, R., Legg, K. Political Clientelism and Development: A Preliminary Analysis. *Comparative Politics*. 1972, vol. 4, no. 2, pp. 149–178.

30. Loriaux, M. The French Developmental State as Myth and Moral Ambition. *The Developmental State*. Ed. by M. Woo-Cumings. Ithaca: Cornell University Press; 1999, pp. 235–276.

31. McCaffery, P. *When Bosses Ruled Philadelphia: The Emergence of the Republican Machine, 1867–1933*. University Park: Pennsylvania State University Press; 1993, 264 p.

32. Medard, J. F. Patrimonialism, Patrimonialization, Neo-Patrimonialism and the Study of the Post-Colonial state in Subsaharian Africa. Improved Natural Resources Management: the Role of Formal Organizations and Informal Networks and Institutions. Ed. by H. S. Marcussen. *Occasional Paper, 17*. Denmark: Roskilde University; 1996, pp. 76–97.

33. Medard, J.-F. The underdeveloped state in tropical Africa: Political clientelism or neopatrimonialism? *Private Patronage and Public Power: Political Clientelism in the Modern State*. Ed. by C. S. Clapham. London: Frances Pinter; 1982, pp. 162–192.

34. Oszlak, O. Public policy and political regimes in Latin America. *International Social Science Journal*. 1986, no. 38 (2), pp. 219–236.

35. Robinson, N. *The Political Origins of Russia's "Culture Wars"*. Limerick: University of Limerick; 2014, 37 p.
36. Robinson, N. Institutional factors and Russian political parties: the changing needs of regime consolidation in a neopatrimonial system. *East European Politics*. 2012, vol. 28, no. 3, pp. 298–309, doi: 10.1080/21599165.2012.685629.
37. Roth, G. Personal Rulership, Patrimonialism, and Empire Building in the New States. *World Politics*. 1968, vol. 20, no 2, pp. 194–206.
38. Scott, J. C. Patron-client politics and political change in Southeast Asia. *American Political Science Review*. 1972, vol. 66, no. 1, pp. 91–113.
39. Soest, C. von. Neopatrimonialism: a critical assessment. *Elgar Handbook on Governance and Development*. Ed. by W. Hout, J. Hutchinson. Cheltenham: Edward Elgar; 2022, pp. 145–159, doi: 10.4337/9781789908756.00019.
40. Stokes, S. C. Perverse Accountability: A Formal Model of Machine Politics with Evidence from Argentina. *American Political Science Review*. 2005, vol. 99, no. 03, pp. 315–325, doi: 10.1017/S0003055405051683.
41. Theobald, R. Patrimonialism. *World Politics*. 1982, vol. 34, no. 4, pp. 548–559.
42. Van de Walle, N. The path from neopatrimonialism: democracy and clientelism in Africa today. *Cornell University Mario Einaudi Center for International Studies. Working paper*. 2007, no. 3-07, 16 p.
43. Weber, M. *Economy and Society. An outline of interpretive sociology*. New York: Bedminster Press Incorporated; 1968, 1469 p.
44. Zon, H. van. *Russia's Development Problem: The Cult of Power*. London: Palgrave; 2008, 206 p.

Информация об авторе

Чайко И. В. – кандидат политических наук, доцент.

Information about the author

Chaiko I. V. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 25.10.2025; одобрена после рецензирования 20.11.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was submitted 25.10.2025; approved after reviewing 20.11.2025; accepted for publication 29.12.2025.